

БОЕВОЙ ЛЁТЧИК, ВОЗГЛАВЛЯВШИЙ ГРУ
(«ЗАГОВОР ГЕРОЕВ»)

Герой Советского Союза
генерал-лейтенант авиации
ПРОСКУРОВ ИВАН ИОСИФОВИЧ
18.02.1907 г. – 28.10.1941 г.

И.И. Проскуров родился 18 февраля 1907 года в украинской семье в селе Малая Толмачка Запорожской области. Его отец работал ремонтным рабочим на железной дороге, но в 1914 году вместе с домочадцами переехал в посёлок Верхняя Хортица. Сдружившись с детьми живших по соседству немцев-колонистов, Иван легко и быстро освоил разговорный немецкий язык. Стремясь дать сыну достойное образование, отец направляет его в 1914 году на учёбу в Александровское (Запорожское) железнодорожное училище. Но учёбу вскоре пришлось оставить, виной тому была начавшаяся в стране Гражданская война.

Иван Проскуров рано начал трудовую деятельность – с 11 лет помогал родителям в домашнем хозяйстве, а в 15 лет нанялся батраком к немцам-колонистам в п. Хортица. В августе 1924 года он устроился помощником вагранщика в литейный цех завода имени Ф. Энгельса в г. Запорожье. Ещё в 1923 году Иван Проскуров стал комсомольцем, и потому найти общий язык с молодёжью предприятия ему не составило труда. Вместе с профессиональными навыками быстро рос и его авторитет среди работников завода как

борца за их социальные права. В 1926 году Иван Проскуров был избран председателем районного секретариата профсоюзов в сёлах Хортица и Токмаковка. В этой должности он проработал два года.

В октябре 1927 года И. Проскуров был принят в ряды компартии. Для повышения образовательного уровня его посылают на учёбу на рабфак (рабочий факультет) сельскохозяйственного института в г. Харькове. Закончив его в мае 1930 года, Проскуров становится студентом Харьковского института механизации и электрификации сельского хозяйства.

В апреле 1931 года Ивана Проскурова призывают в ряды Красной Армии. В это время по стране гремел клич: «Комсомолец, на самолёт!» Сам Проскуров позже вспоминал: «Я даже побаивался лётного дела, но меня вызвали в райком комсомола и там сагитировали пойти в лётную школу»¹. Так по комсомольской путёвке он стал курсантом 7-й Сталинградской военной школы пилотов. Годы учёбы пролетели быстро. И в декабре 1933 года Иван Проскуров становится лётчиком-инструктором во 2-й легкомобардировочной эскадрилье в 23-й авиабригаде Московского военного округа, дислоцировавшейся в г. Монино. В марте – мае 1934 года он оканчивает курсы командиров кораблей при Военной школе морских лётчиков и лётнабов в г. Ейске. После чего становится командиром экипажа тяжёлого бомбардировщика ТБ-3.

В 1934 году именно экипажу Проскурова было поручено произвести испытание модифицированного самолёта ТБ-3, предназначенного для переброски десантных войск. Решительность, смелость и прекрасные организаторские способности были быстро замечены командованием. В декабре 1934 года Иван Проскуров становится командиром авиационного отряда. Не останавливаясь на достигнутом, он продолжает совершенствовать свои лётные качества, завоёвывая всё больший авторитет среди сослуживцев. Все знали: если за дело берётся Проскуров, за его исход можно не волноваться, всё будет выполнено точно и в срок. Поэтому когда осенью 1935 года перед командованием части встал вопрос, кому поручить ответственное задание, выбор без колебания пал на И. Проскурова.

В октябре 1935 года в столице Румынии г. Бухаресте проходил Международный авиационный слёт. На нём экипаж под командованием Проскурова занял 1-е место в соревнованиях по набору высоты. Это было большое достижение всей советской авиации на международной арене. 25 мая 1936 года за успехи в боевой, политической и технической подготовке старший лейтенант И.И. Проскуров был награждён орденом Красной Звезды.

20-22 июля 1936 года самолёт АНТ-25 под командованием Валерия Чкалова совершал рекордный беспосадочный перелёт Москва – Петропавловск-Камчатский – остров Удд (ныне о. Чкалов). Вся страна с интересом и тревогой наблюдала за полётом. За 56 часов 20 минут экипаж Чкалова пролетел 9347 километров. 22 июля 1936 года при посадке на острове Удд самолёт получил повреждение. Потребовалось срочно доставить из Москвы группу авиаспециалистов и запчасти для его ремонта. Нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов приказал осуществить операцию в течение трёх суток.

Ответственное задание поручили командиру отряда 89-й тяжелобомбардировочной эскадрильи старшему лейтенанту И.И. Проскурову. В состав экипажа были включены только проверенные лётчики, настоящие мастера своего дела. Штурманом был назначен Гавриил Михайлович Прокофьев.

Почти весь полёт проходил в сложных условиях. До Омска пришлось лететь в

сплошной пелене густого дыма от лесных пожаров. После Омска была низкая облачность, попытку пробиться к чистому небу пришлось оставить на высоте четырёх тысяч метров, т.к. разряжение воздуха стало плохо сказываться на пассажирах. За Красноярском самолёт попал в сильный дождь с грозой. В районе Байкала погода разгулялась не на шутку. Четырёхмоторный тяжёлый бомбардировщик ТБ-3 бросало как игрушку. Из-за воздушной болтанки опасно задвигались грузы внутри самолёта. Механики ремонтной бригады бросились крепить их швартовку. Оба пилота самолёта еле справлялись с управлением. А над восточным побережьем Байкала погода была отличной. Благодаря мастерству пилотов и штурмана почти за сутки была пройдена большая часть пути.

После небольшого отдыха полёт продолжился. В Хабаровске участников перелёта встретил маршал В.К. Блюхер. Благодаря и обнимая каждого из обросших, измученных, но счастливых лётчиков, он приговаривал: «Орлы! Ну, настоящие орлы!»

19 августа 1936 года нарком обороны СССР Ворошилов К.Е. издал приказ № 0124, в котором говорилось: «За образцовую работу по подготовке корабля к перелёту в короткий срок (один день) и отличное выполнение самого полёта из Моноино в Хабаровск <...> расстояние 6860 км преодолено за 29 часов 47 минут лётного времени, на сутки ранее назначенного мною срока, без всяких происшествий в пути... объявляю благодарность всему составу экипажа и награждаю старшего лейтенанта т. Проскурова И.И. именными золотыми часами»².

Обратно к месту своей дислокации Проскуров и Прокофьев возвращались поездом. По прибытии им были предоставлены путёвки в подмосковный санаторий «Архангельское». На отдыхе из газет они узнают о вспыхнувшем фашистском мятеже в Испании. На помощь испанскому народу из многих стран стали прибывать добровольцы. Проскуров и Прокофьев подают рапорт с просьбой направить их в Испанию. Чтобы не терять зря время, читают всю доступную об Испании литературу и изучают испанский язык.

Получив разрешение и документы, Проскуров и Прокофьев под видом представителей московского автозавода прибыли во Францию для изучения опыта работы в фирме «Рено». Пробыв в Париже три дня, они нелегально пересекли франко-испанскую границу. Иван Проскуров имел при себе документы на имя чеха Солдатчика. Под этим именем в сентябре 1936 года в составе республиканских Военно-воздушных сил появился новый смелый и отважный лётчик.

На вооружении республиканских ВВС находились самолёты устаревших типов: «Бреге-19», «Ньюпор», «Потез-54». Фашистская Германия поставляла генералу Франко современные машины марки «Хейнкель» и «Юнкере». Итальянские фашисты снабжали самолётами марки «Фиат», «Савойя» и «Капрони». Соперничать с такой современной техникой было тяжело.

В середине октября 1936 года на аэродроме в Альбасете происходило формирование 1-й интернациональной бомбардировочной эскадрильи «Испания». В ней насчитывалось три отряда. Два из них имели по три бомбардировщика «Потез-54», а третий – три «Бреге-19» и несколько гражданских самолётов разных марок. В эскадрилье отважно сражались бельгиец Бернер, француз Бурже, итальянец Примо Джибелли, болгарин Волкан Горанов.

Иван Проскуров был зачислен в эскадрилью командиром экипажа бомбардировщика «Потез-54». Это была устаревшая двухмоторная машина

французского производства. Её место скорее должно было быть в музее, чем в боевом строю. Советские лётчики в шутку называли её «протезом». Но выбрать было не из чего.

Иван Проскуров быстро освоил предоставленный в его распоряжение самолёт. Рассчитывать на его лётно-технические качества не приходилось. Самолёт имел очень малую скорость. С полной бомбовой нагрузкой он развивал не более 270 километров в час. В отличие от СБ, он не мог уйти от вражеских истребителей, а собственное вооружение, как правило, не позволяло «Потезу» самостоятельно себя защитить. Понимая это, Проскуров научился мастерски маневрировать самолётом. Ему удавалось наносить бомбовые удары по вражеским объектам и ускользать от атак фашистских истребителей.

С первых же дней формирования эскадрилья «Испания» приняла участие в боевых действиях. 15 октября 1936 года мятежники генерала Франко начали наступление на Мадрид. Интернациональная эскадрилья наносила бомбовые удары по частям фашистов. Возвратившись с одного боевого задания, лётчики получали новое. Чтобы нанести врагу больший урон, вместе с четырьмя 100-килограммовыми бомбами наружной подвески брали в самолёт по 50 мелких осколочных и зажигательных бомб, которые сбрасывали вручную, как в годы Первой мировой войны.

30 октября 1936 года перед 1-й интернациональной бомбардировочной эскадрильей была поставлена задача нанести удар по скоплению войск и техники мятежников в Навалькарнеро, в 30 километрах юго-западнее Мадрида. На обратном пути лётчики должны были произвести воздушную разведку дорог, идущих от Толедо на север к фронту, обратив особое внимание на населённые пункты Гриньон, Кубас, Ильескас.

Этот район интенсивно патрулировался вражескими истребителями, поэтому было принято решение вылететь на задание ночью, за час до рассвета. Удар предполагалось нанести 6 самолётами. Однако при старте выяснилось, что моторы 3 машин выведены из строя сторонниками мятежников. В результате с большим опозданием в воздух поднялись экипажи испанца майора Сапилло и советских лётчиков-добровольцев старших лейтенантов Горанова и Проскурова.

Из-за недоговоренности и темноты группа в воздухе долго не могла собраться вместе. Летали по кругу, пока не рассвело. Во время полёта ведущий майор Сапилло изменил маршрут. Вместо того чтобы обойти Мадрид с севера, как это было указано в задании, он повёл группу южнее Мадрида. В результате почти 60 километров самолёты республиканцев летели над территорией мятежников, параллельно линии фронта. Как потом оказалось, делал это Сапилло с предательской целью, чтобы дать фашистам возможность вызвать истребители.

Лётчики прекрасно понимали, на какой риск идут, – рассвет уже наступил, и встреча в воздухе с врагом была неизбежной. Так оно и произошло. На пути к цели группу атаковали пять франкистских истребителей «Хейнкель-51». У «потеза» Горанова был повреждён один мотор, и он стал отставать от ведущего. Иван Проскуров поспешил на помощь товарищу. Он снизил скорость и вместе с экипажем Горанова отбил от истребителей противника. После нанесения бомбового удара по цели самолёты республиканцев подверглись новым атакам истребителей мятежников. «Потез» Горанова был подбит и приземлился на нейтральной полосе. Самолёт Проскурова, сильно изрешечённый пулями, на одном моторе совершил вынужденную

посадку на виноградное поле, немного не дотянув до своего аэродрома.

Несмотря на неудачу, И.И. Проскуров продолжает рваться в бой. В своей записной книжке он фиксирует боевые вылеты, в которых принимает участие: «16 ноября 1936 г. – полёт в Кадикс, бомбили порт и оружейный завод в С.-Карлос. Попадания хорошие. 9 января 1937 г. – полёт на Мадридский фронт для бомбёжки Коса де Кампо. Встретили около 20 истребителей»³.

За успехи в деле оказания помощи республиканскому правительству 2 января 1937 года старший лейтенант Иван Иосифович Проскуров был награждён орденом Боевого Красного Знамени.

3 февраля 1937 года, после отъезда из Испании Героя Советского Союза Эрнста Шахта, Иван Проскуров был назначен командиром 1-й эскадрильи бомбардировщиков. На вооружении эскадрильи стояли советские бомбардировщики СБ, которые даже с полной нагрузкой могли уйти от любого вражеского истребителя. По состоянию на 14 февраля 1937 года в эскадрилье Проскурова имелось девять самолётов (пять СБ базировались в Сан-Хавиер, а четыре – в Сан-Клименте). Штурманом в экипаже Проскурова стал старый друг и проверенный в боях товарищ Гавриил Прокофьев. Он вспоминал об этих днях: «В этот период с особой силой раскрылись его организаторские способности и талант мужественного воздушного бойца»⁴.

В марте 1937 года генерал Франко предпринимает попытку захватить Мадрид со стороны провинции Гвадалахара. Главным удар Должны были нанести части итальянского экспедиционного корпуса, в который входили четыре дивизии. 8 марта воздушная разведка сообщила, что по Французскому шоссе в сторону Гвадалахары движется многокилометровая колонна танков и автомашин с пехотой. Воздушное прикрытие отсутствовало, так как погода стояла очень плохая. Фашисты были убеждены в том, что республиканские лётчики тоже не смогут летать. Но они жестоко просчитались.

Перед эскадрилей старшего лейтенанта Проскурова была поставлена задача произвести бомбардировку основной станции снабжения итальянского корпуса – Сигуэнса. Для достижения внезапности он вывел эскадрилью к цели с востока, откуда противник меньше всего ожидал налёта. Шли на предельно малой высоте, прикрываясь холмистой местностью. Незаметно для противника эскадрилья подошла к цели. Станция оказалась до предела забитой железнодорожными составами, среди которых выделялся эшелон с горючим. Можно было бомбить не целясь. Взрыв цистерн превратил Сигуэнсу в огненный ад. Проскуров развернул бомбардировщики в сторону шоссе. На колонну фашистов обрушился шквал пулемётных трасс. Паника охватила итальянцев. Грузовики, потеряв управление, сталкивались и горели, уцелевшие солдаты разбегались.

С 9 марта 1937 года республиканские ВВС организовали конвейер воздушных налётов, в котором принимало участие 45 истребителей, 15 штурмовиков и 11 бомбардировщиков. Пока одна группа наносила удар, другая шла к цели, третья заправлялась, четвёртая уже взлетала. Эскадрилья Проскурова совершала по несколько вылетов в день.

Всего на гвадалахарском направлении было сделано 142 самолётных вылета, сброшено 492 бомбы и выпущено 200 тысяч пуль. Вражеская колонна понесла серьёзный урон. У итальянского экспедиционного корпуса было выведено из строя не менее 1500 человек убитыми, 1200 попали в плен, уничтожено 200 автомашин, 65 пушек, 13 гаубиц,

около 500 станковых пулемётов.

12 марта остатки частей итальянского экспедиционного корпуса перешли к обороне, но, не выдержав наступления республиканской пехоты, обратились в бегство. Фашисты назвали этот разгром «чудом под Гвадалахарой». И это при том, что у мятежников на данном участке фронта было вдвое больше самолётов.

Успех давался нелегко, были и потери. К середине апреля в республиканских ВВС насчитывалось всего пятнадцать бомбардировщиков СБ, а в эскадрилье старшего лейтенанта Проскурова осталось лишь пять самолётов.

21 апреля 1937 года И.И. Проскуров был назначен командиром группы по взаимодействию с Военно-морским флотом республиканской Испании. В своей записной книжке Иван Иосифович отметил: «Принял группу, прямо страшно подумать – за полгода от командира отряда до командира группы. Думаю справиться так, как и раньше, с поручаемой работой»⁵.

Экипажи самолётов СБ не были предназначены для полётов над морем. Однако обстановка требовала совершать невозможное, и «проскуровцы» стали настоящими морскими лётчиками. Адмирал флота Герой Советского Союза Н.Г. Кузнецов, бывший в Испании военно-морским советником, высоко оценил боевую работу Проскурова:

«Это был мужественный человек. Когда ему предлагал лететь бомбить Гранаду или Малагу, он больше интересовался, хватит ли горючего, в какое время лучше появиться над объектом, и меньше всего думал о том, насколько это опасно. Вместе со своим штурманом Г. Прокофьевым он водил свой отряд на предельный радиус действия, как на суше, так и на море»⁶.

24 мая 1937 года группа Проскурова произвела несколько воздушных налётов на порт Пальма. В Дневнике боевых действий указывается: «С высоты 3000 м восемь СБ одним заходом бомбили три военных корабля в порту Пальма, два из них типа «Канариас» и один неустановленного типа, который бомбометанием разрушен и загорелся. По кораблям типа «Канариас» были прямые попадания. Один СБ сбросил 4 бомбы на военные объекты в Пальма. Во время бомбометания вёлся сильный огонь ЗА и 5 истребителей типа «брёда» безуспешно пытались атаковать СБ. Через пять минут вторая группа (5 самолётов СБ) одним заходом в противоположном направлении первому с высоты 3000 м бомбила третий корабль типа «Канариас», находившийся в 800 м от первых двух. Бомбы упали на мол и военные здания. Во второй половине дня пять СБ вторично бомбили Пальму, дав прямые попадания в неизвестный военный корабль. После всех бомбометаний все СБ благополучно вернулись обратно»⁷.

26 мая 1937 года налёт был повторен. Дневник боевых действий сообщает: «9 СБ снова бомбили порт Пальма. Попаданий в корабли не было, но во время налёта была уничтожена итальянская двухмоторная летающая лодка-катамаран Savoia SV.55X»⁸.

29 мая 1937 года республиканскому командованию стало известно, что франкисты планируют захватить транспорт «Магальянес», шедший из СССР с добровольцами и грузом военной техники. Чтобы не допустить этого, было принято решение нанести удар по порту Ивиса (Балеарские острова). В операции участвовали три эсминца и два бомбардировщика СБ из группы Проскурова. Первыми к порту подошли эсминцы, однако, начав обстрел, они заметили в порту большой незнакомый военный корабль и прекратили стрельбу. В это время над портом появились бомбардировщики, которые сбросили несколько 100- и 50-килограммовых бомб. Удача сопутствовала экипажу старшего лейтенанта Н.А. Острякова (штурман – старший лейтенант Г.К. Левинский).

Две пятидесятикилограммовые бомбы попали в корабль, а одна разорвалась рядом с бортом.

Однако впоследствии оказалось, что корабль не принадлежал мятежникам генерала Франко. Это был германский броненосец «Deutschland», имевший водоизмещение 15.900 тонн, максимальную скорость 28 узлов и 926 членов экипажа. Хотя на корабле было мощное зенитное вооружение, состоявшее из 24 орудий калибром от 20 до 88 мм, это не спасло его от налёта. Бомбы, попавшие в район передней надстройки и в центральную часть корпуса, около башни № 3, вызвали серьёзный пожар. Огнем был уничтожен один из двух гидросамолётов, находившихся на палубе корабля. Были выведены из строя башня № 3 и один из котлов. В результате налёта погибло 24 члена экипажа и 82 получили ранения.

В своей записной книжке И.И. Проскуров отметил: «29 мая 1937 г. – За эти два дня организовал два вылета всей группой. Результаты замечательные. Штурманы танцуют от результатов бомбёжки»⁹.

В июне 1937 года Иван Иосифович Проскуров был отозван в Советский Союз. На Родине его ждал почёт и заслуженная награда. Нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов направил И.В. Сталину представление на присвоение семнадцати военнослужащим звания Героя Советского Союза. В шестом пункте указывалось:

«Ст. лейтенант ПРОСКУРОВ Иван Иосифович. Командир отряда 89 тяжелобомбардировочной авиационной эскадрильи. В Испании командир эскадрильи СБ. Награждён орденом «Красная Звезда» в 1935 г. и орденом «Красное Знамя» 02.01.1937 г.

Налёты скоростных бомбардировщиков республиканской авиации на аэродромы, станции и склады, другие объекты противника производились без прикрытия истребителями и в большинстве случаев сопровождалась самостоятельными воздушными боями, которые самолётам СБ приходилось вести с истребителями противника. В этих трудных условиях т. ПРОСКУРОВ выполнил 46 боевых полётов продолжительностью свыше 120 часов, из коих большинство по объектам (целям), расположенным в глубоком тылу противника и защищённым зенитной артиллерией и истребительной авиацией. Этими налётами противнику были нанесены громадные потери на его аэродромах – сожжены и разбиты десятки самолётов, на железнодорожных путях и станциях – уничтожены многие воинские эшелоны, и на фронте – выводилась из строя и деморализовывалась живая сила мятежников.

Во всех этих многочисленных боевых операциях т. ПРОСКУРОВ обнаруживал исключительное мужество, спокойствие и выдержку. Его самолёт не раз оказывался пробитым осколками снарядов зенитной артиллерии и пулями истребителей.

Тов. ПРОСКУРОВ пользуется заслуженной репутацией исключительно смелого, хладнокровного и храброго бойца и командира»¹⁰.

И.В. Сталин, ознакомившись с документом, вычеркнул слова «ст. лейтенант» и своей рукой вписал «майор».

21 июня 1937 года Постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР пяти командирам Рабоче-Крестьянской Красной Армии за образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и проявленный в этом деле героизм было присвоено звание Герой Советского Союза с вручением ордена Ленина. На следующий день, 22 июня 1937 года, список военнослужащих был опубликован в газете «Правда». Под номером 5 в нём

значился майор Проскуров Иван Иосифович. После учреждения медали «Золотая Звезда», как особого знака отличия для Героев Советского Союза, ему была вручена медаль № 33.

После «специальной командировки» Ивану Иосифовичу был предоставлен отпуск, который он провёл с семьёй в санатории в г. Сочи. После непродолжительного отдыха он вернулся к исполнению воинских обязанностей.

Его карьера начинает стремительно развиваться. 16 июля 1937 года майор Проскуров назначается командиром 54-й авиационной бригады Киевского военного округа, расквартированной в г. Белая Церковь. Через несколько месяцев ему было присвоено воинское звание «полковник», а 12 декабря 1937 года его избирают депутатом Верховного Совета СССР 1-го созыва. 22 февраля 1938 года И.И. Проскурову присваивается воинское звание «комбриг» и он награждается медалью «XX лет РККА».

8 мая 1938 года комбриг Проскуров становится командиром 2-й авиационной армии особого назначения, штаб которой располагался в Воронеже. В состав армии входили две тяжелобомбардировочные, одна легкособомбардировочная и одна истребительная авиабригады, которые насчитывали до 260 самолётов. Авиационная армия особого назначения являлась оперативным объединением авиации резерва Главного командования РККА и предназначалась для выполнения самостоятельных оперативных и стратегических задач.

9 февраля 1939 года Ивану Иосифовичу Проскурову было присвоено воинское звание «комдив». В результате за неполных два года он прошёл путь от старшего лейтенанта до генерала. Главной причиной такой бурной карьеры было то, что обезглавленная репрессиями Красная Армия нуждалась в командирах высшего ранга. На место расстрелянных и посаженных комкоров, комдивов и полковников выдвигались майоры, капитаны и лейтенанты. У многих из них не было необходимого образования и знаний, но они имели опыт боевых действий в Испании и Китае, на Хасане и Халхин-Голе.

Весной 1939 года в судьбе и военной карьере И.И. Проскурова произошёл крутой поворот. 14 апреля 1939 года комдив Проскуров был назначен начальником 5-го (разведывательного) управления РККА и заместителем наркома обороны СССР. Он как мог, противился новому назначению. Адмирал флота, Герой Советского Союза Н.Г. Кузнецов вспоминает, как Иван Иосифович с горечью ему рассказывал: «Я убедительно просил начальство не поручать мне дело, которое я не знаю и не люблю, но не помогло»
11

. В июне 1939 года его также включили в состав Главного военного совета Наркомата обороны.

Ивану Иосифовичу досталось тяжёлое наследство. За два года он был уже пятым начальником Разведуправления Красной Армии. В июне 1937 года Сталин заявил, что наша разведка нуждается в радикальной чистке, так как засорена врагами народа и иностранными шпионами. В результате были расстреляны один за другим начальники Военной разведки: комкор С.П. Урицкий, армейский комиссар 2-го ранга Я.К. Берзин, комдив А.Г. Орлов и старший майор госбезопасности С.Г. Гендин. Были репрессированы начальники многих отделов и подразделений Разведуправления. Из-за границы было отозвано и расстреляно большое количество разведчиков, военных атташе и их помощников.

Проскуров начинает набирать новые кадры. Это было нелегко. Многие из

приглашаемых на работу офицеров, зная о трагической судьбе своих предшественников, отказывались. Иван Иосифович уверял всех, что у него большие полномочия от самого Сталина. Но этим заявлениям мало кто верил. Все знали, что никакой очередной новый замнаркома не сможет противостоять произволу всемогущего НКВД.

Тем не менее в 1939 и 1940 годах обстановка несколько улучшилась: репрессии в армии сократились, с трудом восстанавливались прерванные контакты с зарубежной агентурой.

Проскуров в отличие от многих больших начальников не пытался выглядеть всезнающим, не считал для себя зазорным учиться у подчинённых, советоваться с немногими уцелевшими профессионалами. Но работать было трудно. В Советском Союзе, так же как и во многих других странах, имелись противоречия и постоянное соперничество между военной разведкой и другими спецслужбами. А если учесть, что во главе НКВД стоял опытный политический интриган Л.П. Берия, станет ясно, насколько сложным было положение Проскурова, который не являлся политической фигурой и не имел постоянного выхода на генсека. Если Берия бывал у Сталина почти ежедневно, то Проскуров за весь 1939 год посещал кабинет вождя всего девять раз, а в 1940 году – лишь четыре раза¹².

Семья Проскурова проживала сначала в гостинице «Москва». Позже им была предоставлена квартира в Доме на набережной. В гости к Проскурову часто приходили друзья и товарищи, с которыми он воевал в Испании. Встречи были очень тёплыми и радостными. Старшая дочь Ивана Иосифовича Лидия Ивановна вспоминает:

«Думается, отец был личностью незаурядной: его любили и уважали. Умный, честный, отзывчивый, справедливый человек, он обладал большой выдержкой, высокой культурой. Я никогда не слышала, чтобы он повышал на кого-нибудь голос. Отец был очень аккуратным, подтянутым. Военная форма сидела на нём как влитая. Подворотнички к форменным рубашкам пришивал сам – курсантская привычка.

Отец был очень внимателен к семье, использовал любую возможность для занятий с нами – детьми. Он учил меня плавать, ездить на велосипеде, водить машину – да-да, несмотря на мой возраст (13-14 лет), всерьёз. Покупал интересные книги. Хотел, чтобы мы больше бывали на выставках, в музеях, театре. Дважды я с отцом была в Кремле, в Георгиевском зале: на приёме по случаю возвращения папанинцев с Северного полюса и на заключительном концерте декады белорусского искусства, мама не смогла пойти. В 1940 году, после окончания 6 класса отец отправил меня с мамой на экскурсию в Ленинград, чтобы мы ознакомились с этим замечательным городом. Он старался привить нам интерес к культуре, развить любознательность. Я всегда чувствовала в отце товарища. Он говорил со мной, как со взрослым человеком, на равных, умел меня понять. С ним я ничего не боялась, всё казалось ясным и простым. Отец был моим преданным и надёжным другом. В то время наша жизнь была очень насыщенной, радостной, светлой»¹³.

Начавшаяся 30 ноября 1939 года война с Финляндией вскрыла многие недостатки в боеготовности Красной Армии. Разведка не была исключением. За время боёв зимой 1939-1940 годов И.И. Проскуров несколько раз выезжал в действующую армию для организации разведывательно-диверсионных отрядов и оказания помощи войсковой разведке.

С 14 по 17 апреля 1940 года в ЦК ВКП(б) в присутствии И.В. Сталина состоялось совещание начальствующего состава Красной Армии по сбору опыта боевых действий

против Финляндии. 17 апреля на утреннем заседании с докладом выступил начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба комдив Проскуров:

«Доклаживаю некоторые выводы по опыту и состоянию работы разведывательной службы Красной Армии. Разведке в выступлениях многих командиров доставалось как будто больше всего.

СТАЛИН. Нет, ещё будет.

ПРОСКУРОВ. Я бы был очень рад, чтобы разведку, начиная с сегодняшнего дня как следует потрясли, обсудили. Всякими вопросами занимались, а разведкой мало.

Что мы знали о белофиннах? Мы считаем, что для общих расчётов сил подавления противника разведка имела необходимые отправные данные. Разведка эти данные доложила Генштабу. Это не заслуга теперешнего состава Разведывательного управления, так как основные данные относятся к 1937-1938 гг. Мы знали к 1 октября 1939 г., что Финляндия создала на Карельском перешейке три оборонительных рубежа и две отсечных позиции. Первый оборонительный рубеж, предназначенный для частей прикрытия, располагался непосредственно около границы и упирался флангами в Ладожское озеро и Финский залив, имея в длину [более 100]. Его укрепления состояли главным образом из сооружений полевого типа: окопы стрелковые, пулемётные, артиллерийские. Были и противотанковые сооружения. Имелось также небольшое количество железобетонных, каменных и деревоземляных точек, общая численность которых доходила до 50. Это так называемое предполье.

Второй оборонительный рубеж, который был известен разведке на 1 октября 1939 г. Второй оборонительный рубеж начинался от Финского залива и проходил через Ремнети, Сумма, Мьялкел и другим пунктам и далее по северному берегу Сувантоярви. Общая система обороны строилась на создании 13 узловых сопротивлений, так называемых центров сопротивлений по использованию рек и озёр.

Третий оборонительный рубеж был представлен узлом сопротивления в районе Выборга, в котором имелось до 10 артиллерийских железобетонных точек. К 1 октября 1939 г. было установлено наличие в укрепленных районах до 210 железобетонных и артиллерийских точек. Всего было 210 точек. Эти точки нанесены на схемы, был альбом, который, как говорил сам тов. Мерецков, всё время лежал у него на столе.

МЕРЕЦКОВ. Но ни одна не соответствовала.

ПРОСКУРОВ. Ничего подобного. Донесения командиров частей и разведки показывали, что большинство этих точек находится там, где указаны на схеме.

МЕРЕЦКОВ. Это ложь. В районе Суммы 12 точек, Корна – 12.

ПРОСКУРОВ. Ничего подобного.

МЕХЛИС. Когда этот материал был передан Генштабу?

ПРОСКУРОВ. До 1 октября 1939 г. К этому же времени было известно, что финны развёртывают большие строительные работы. Было известно, что финны развернули большие строительные работы именно летом 1939 г. Агентура доносила, что идёт интенсивное строительство. В течение лета 1939 г. в различных сводках было указано, что идёт подвозка большого количества различного строительного материала. Точных данных во вторую половину 1939 г. мы не имели.

Все имеющиеся сведения об укреплениях и заграждениях были разработаны, нанесены на карту в Ленинграде и разосланы в войсковые соединения.

По людским ресурсам, что было известно по данным разведки? По различным справочникам, которые были изданы, нам было известно, что Финляндия располагает

600 тыс. человек военнообязанных. Военно-обученных насчитывалось до 400 тыс. человек. Кроме того, имела так называемая шюцкоровская организация женщин и мужчин, которая в своих рядах насчитывала до 200 тыс. человек. Итого, по данным разведки видно было, что Финляндия может выставить до 0,5 млн. человек. Такими данными мы располагали.

Данные о пистолете Суоми были впервые в сборнике Разведупра, изданном в 1936 г. Подробные данные были даны в справочниках 1939 г. с фотографиями... А у нас – это не в качестве оправдания – автоматическое оружие игнорировали.

Наконец, тов. Шапошников докладывал, что было 16 дивизий, у нас нет таких данных. Было 12 пехотных дивизий, 6 отдельных пехотных полков, до 30 батальонов, около 5 пехотных бригад.

СТАЛИН. В общем 18 дивизий.

ПРОСКУРОВ. Если свести в дивизии – до 18 дивизий.

СТАЛИН. Сколько давала разведка отдельных дивизий?

ПРОСКУРОВ. До 10 дивизий и до 30 отдельных батальонов. Что на самом деле и получилось. Но общий контингент военно-обученных, тов. Шапошников, должен кое-что показывать, это нельзя отбрасывать.

ГОЛОС. Говорят, что пулемёт Суоми испытывался у нас в 1936 г. Верно это или нет?

ГОЛОС. У тов. Шестакова, есть у нас такой, данные эти можно получить. Он говорит, что эти пулемёты испытывал в 1936 г.

СТАЛИН. Это ничего не значит. Он может быть известен. 100-зарядный американский пулемёт был известен, у чекистов был, но считали, что это полицейское оружие, что в армии это оружие никакого значения не имеет. Оказалось наоборот, что для армии пулемёт – в высшей степени необходимое явление, а разведка представляла его исключительно с политической стороны, что для войны он не годится. Так было дело?

ПРОСКУРОВ. О тактике противника были некоторые материалы.

СТАЛИН. Когда издали брошюру о методах войны?

ПРОСКУРОВ. В декабре месяце.

СТАЛИН. Она, говорят, 5-6 лет пролежала.

ПРОСКУРОВ. Были и такие материалы.

СТАЛИН. Это брошюра, которая вышла через две недели после войны. Брошюра о том, как воевать с финнами.

ПРОСКУРОВ. Это не та брошюра, та ещё позже вышла.

СТАЛИН. Эта брошюра вышла через две недели после войны. А почему не могла выйти за год?

ПРОСКУРОВ. Потому что лежала в архиве.

СТАЛИН. Её военный атташе прислал.

ПРОСКУРОВ. Правильно.

СТАЛИН. Вы не могли пожаловаться, что в архиве лежала брошюра, тогда как нужно её взять было вам, как руководителю разведки.

ПРОСКУРОВ. В архиве есть много неразработанных ценных материалов. Сейчас разрабатываем, но там целый подвал, колоссальное количество литературы, над которой должна работать целая бригада в количестве 15 человек в течение пары лет.

ГОЛОС. Эта литература за это время устареет.

СТАЛИН. Брошюра о том, как будут воевать финны. Не насмешка ли это над всеми и над Красной Армией, что брошюра лежит год с лишним, пять лет, другие говорят и её печатают только спустя две недели после войны, чтобы ею могли пользоваться в Красной Армии с запозданием.

ПРОСКУРОВ. Здесь умысла нет.

СТАЛИН. Мы не разведка.

ПРОСКУРОВ. Я вам докладываю, что в разведке в архиве сейчас имеется много материалов, которые мы обрабатываем. Материалов у нас очень много и мы их в ближайшее время выпустим. Только как получается? То, что у нас имеется из материалов из-за границы, не делается достоянием широких масс. Если у нас идёт война, мы должны сделать так, чтобы было известно всё то же самое, что делается за границей в военном мире.

ГОЛОС. Всё засекречено.

ГОЛОС. Причём, нужно прямо сказать, что за границей можно купить в витрине, то у нас это будет секретом для Красной Армии.

СТАЛИН. Это манера людей, которые не хотят, чтобы наша Красная Армия знала многое. Вот почему, видимо, у нас всё секретное.

КУЛИК. Мы должны добиться такого положения, чтобы то, что сегодня появляется в печати за границей, было на следующий день известно нашей Красной Армии.

СТАЛИН. Нужно создать группу при Генеральном штабе, чтобы она пользовалась всеми материалами, чтобы она имела возможность посылать своих людей за границу, которые бы присылали материалы открыто, никаких секретов нет.

КУЛИК. У нас сейчас всё засекречено.

СТАЛИН. Я не знаю, у вас вся власть была в руках, вы являетесь заместителем наркома, почему вы ничего не предприняли?

КУЛИК. Я этот вопрос ставил перед наркомом.

СТАЛИН. Вы являетесь заместителем наркома и могли обратиться к наркому и сказать о создавшемся положении.

КУЛИК. У нас нужно будет ввести новую систему.

ГОЛОС. Иностранные военные журналы являются секретными для нашей Красной Армии.

ПРОСКУРОВ. Потому что в этих журналах есть всякая клевета о Красной Армии.

ГОЛОС. Нельзя Генеральный штаб держать в стороне. Материалы обязан обрабатывать Генеральный штаб.

ПРОСКУРОВ. Я могу только доложить, если бы здесь сидящие товарищи прочли хотя бы 20% той литературы, которую рассылает Разведывательное управление, то ни у кого не было бы смелости сказать о том, что у нас в этом отношении ничего нет.

СТАЛИН. Всё засекречено.

ПРОСКУРОВ. Кто запрещает читать секретную литературу?

ГОЛОС. Возьмите такое дело. За границей ежедневно выпускается бюллетень иностранных военных известий, а у нас в открытом виде он не распространяется.

СТАЛИН. Почему?

ПРОСКУРОВ. Там есть клевета на Красную Армию.

СТАЛИН. Интересные выборки нужно делать.

ПРОСКУРОВ. В зарубежном вестнике помещаются всякие иностранные статьи.

СТАЛИН. У вас душа не разведчика, а душа очень наивного человека в хорошем

смысле слова. Разведчик должен быть весь пропитан ядом, желчью, никому не должен верить. Если бы вы были разведчиком, вы бы увидели, что эти господа на Западе друг друга критикуют: у тебя тут плохо с оружием, у тебя тут плохо, вы бы видели, как они друг друга разоблачают, тайны друг у друга раскрывают, вам бы схватиться за эту сторону, выборки сделать и довести до сведения командования, но душа у вас слишком честная.

ПРОСКУРОВ. Не читают разведывательных материалов. Вот я доложу, сводка по востоку и западу выпускается секретно, потому что тут дислокация частей, политико-моральное состояние.

СТАЛИН. Это легально для всех издаётся?

ПРОСКУРОВ. Нет, секретно.

СТАЛИН. Почему?

ПРОСКУРОВ. Потому что тут дислокация германских частей.

СТАЛИН. Можно назвать сообщение несуществующей газеты, несуществующего государства, что-либо в этом роде, или по иностранным данным и т.д. и пустите это в ход. Надо уметь это делать. Фирму можно снять, а существо оставить и преподать людям открыто, ведь есть у нас журналы, газеты.

ПРОСКУРОВ. Всем не секрет, что если на бумаге написано «секретно», то прочитают, а если простое издание, то говорят это чепуха. (Смех). Я убеждён, что большие начальники так относятся к этому.

СТАЛИН. У нас очень большое количество комсостава – среднего состава и для них надо открыть это. Надо фирму убрать, а существо, всё, что изложено преподать людям, тогда наши люди будут знать в чём дело. Надо открыто написать.

ПРОСКУРОВ. Тогда надо аппарат увеличить.

СТАЛИН. Если это нужно, увеличим.

ПРОСКУРОВ. Я пять раз докладывал народному комиссару об увеличении, но мне срезали, сейчас получилась такая организация, которая еле-еле способна издавать секретную литературу.

СТАЛИН. Покажите результаты работы.

ПРОСКУРОВ. Ведь надо сказать, что толковой разведки у нас нет, значит её надо разворачивать, поэтому сейчас нужно больше людей, которые бы работали над разведкой. Мне так народный комиссар говорит, покажите прежде всего товар лицом, тогда дадим людей. Кто же будет показывать, некому показывать, людей недостаточно, они малоопытные, поэтому их надо готовить и иметь побольше.

СТАЛИН. Разведка начинается с того, что официозную литературу, оперативную литературу надо взять из других государств, военных кругов и дать. Это очень верная разведка.

Разведка не только в том состоит, чтобы тайного агента держать, который замаскирован где-либо во Франции или в Англии, не только в этом состоит. Разведка состоит в работе с вырезками и с перепечаткой. Это очень серьёзная работа. Смотрите, вот сейчас идёт война, они будут друг друга критиковать и разоблачать, все тайны будут выносить на улицу, потому что они ненавидят друг друга. Как раз время уцепиться за это и сделать достоянием наших людей. Эта работа непосредственно разведки, самая серьёзная. А вы это не считаете...

ПРОСКУРОВ. Я организовал проверку, как читают литературу. С литературой 5-го управления знакомятся только отдельные командиры центральных управлений,

отдельные руководящие работники штаба и лишь отдельные работники низового аппарата. Некоторые издания лежат по 3-5 месяцев в сейфе, что лишает возможности знакомить с этой литературой необходимый круг командиров. Они такую литературу, как боевой устав Франции, состояние войск и т.д., не говоря о литературе, имеющей косвенное отношение, не читают.

СТАЛИН. Надо уметь преподнести блюдо, чтобы человеку приятно было есть.

ПРОСКУРОВ. Если попадает материал, надо его читать. Он замечательно напечатан – с иллюстрациями, с картинками.

СТАЛИН. (Показывает книжку). Здесь напечатана дислокация германских войск?

ПРОСКУРОВ. Так точно.

СТАЛИН. Этого нельзя вообще печатать.

ПРОСКУРОВ. Нельзя и секретно?

СТАЛИН. Нужно широко распространять какой тираж?

ПРОСКУРОВ. 3 тыс. никто не может купить, всё под номером, секретно.

СТАЛИН. Нельзя такие вещи излагать, вообще печатать нельзя, печатать нужно о военных знаниях, технике, тактике, стратегии, составе дивизии, батальона, чтобы люди имели представление о дивизии, чтобы люди имели понятие о частях, артиллерии, технике, какие новые части есть.

ПРОСКУРОВ. Есть.

СТАЛИН. Это нужно для Генштаба и высшего командного состава.

ПРОСКУРОВ. Для западных округов тоже необходимо.

Факты об изучении разведывательной литературы:

1. В Главном управлении ВВС не читается литература 5-го Управления, в том числе и чисто авиационная. Например, опыт применения ВВС немцами в период польской кампании, устав ВВС Франции, устав ВВС немцев и т.д.

Начальник штаба ВВС даже не видел всей литературы, она хранится у какого-то второстепенного лица и не докладывается.

Начальники отделов, люди которые должны учитывать в своей работе все иностранные новинки, как правило, также литературу не читают.

2. Вот Артиллерийское управление, начальники отделов не читают разведывательных сводок по иностранной технике. Эти сводки после ознакомления с ними начальников информационных отделов Управление направляет в секретную библиотеку. В секретной библиотеке эти книги лежат без всякого движения. Такие книги, как «Артиллерия германской армии», «Французская армия» и другие читало всего четыре человека.

МЕРЕЦКОВ. Там стоит гриф секретно, домой я не могу взять книгу, а на работе не могу читать, работой нужно заниматься, а поэтому эти книги лежат без всякого движения, никто их не читает. Я не имею права взять книгу домой, положить к себе в портфель, так как она считается секретной. Командир полка совсем не возьмёт эту книгу.

СТАЛИН. Кто это так придумал?

ПРОСКУРОВ. Был приказ народного комиссара обороны № 015.

СТАЛИН. Вы же сами ему так предложили, он сам не мог так придумать.

ГОЛОС. Это же приказ о секретной литературе, а зачем литературу секретно издавать?

МЕРЕЦКОВ. Тогда разрешайте брать эти книги для чтения, но только с оговоркой –

не терять или что-либо другое сделать с тем, чтобы книги не лежали в библиотеке.

ГОЛОС. Книги должны быть в штабе.

ПРОСКУРОВ. Чем же объяснить, тов. Воронов, что из 50 переведенных статей в Артиллерийском управлении прочитано только 7 статей двумя лицами. Эти статьи без всяких грифов, несекретные.

ГОЛОС. Где это проверяли?

ПРОСКУРОВ. У нас.

СТАЛИН. Нужно заинтересовать людей.

ПРОСКУРОВ. И ещё десятки примеров можно привести.

СТАЛИН. Нужно уметь преподнести.

ПРОСКУРОВ. Эти сводки преподносятся в хорошем виде.

СТАЛИН. Человек посмотрит и отбросит эту книгу, введение какое-либо сделали бы что ли. Нужно посмотреть.

ПРОСКУРОВ. Есть, слушаю.

СТАЛИН. Люди завалены работой, эту макулатуру не хотят читать, они её отбрасывают, в этом № 2 ничего не говорится.

ПРОСКУРОВ. Может быть по этой причине штаб 1-ой Краснознамённой армии эту сводку в течение трёх месяцев держал у себя, не рассылали по частям, считая, что эти сводки Разведупр должен рассылать непосредственно в части, т.е. Разведупр должен знать дислокацию частей. Я считаю, что это дикость. Это дело разведали наши чекисты и донесли, что действительно спорили, кому посылать эти сводки.

Вывод ясен, что разведывательную литературу у нас не изучают толком.

Я хочу доложить, что разведка на фронте, в частности разведывательные органы Ленинградского военного округа до начала событий были приведены в боевую готовность. Но здесь встал вопрос – кому руководить войсковой разведкой. Здесь ругали, что агентура не дала данных. Отсюда вывод, что нужно было напирать на войсковую разведку. У меня есть сотни писем с Дальнего Востока и с Запада, с в Урала и из других округов, где пишут одно и то же, что совпадает с оценкой наших разведывательных органов, разведкой ещё в мирное время никто не занимается, то же получилось и на войне.

С первых же дней боевой деятельности было установлено, что кадры войсковых разведчиков готовились очень плохо, без учёта театра. Этим никто не занимался, несмотря на то, что в июне месяце на заседании Главного военного совета, где и вы участвовали, тов. Сталин, когда пересматривали структуру Генерального штаба, было принято решение: «Вопросы организации войсковой разведки передать в ведение оперативного управления в Генеральном штабе РККА, в штабах округов, армий и армейских группах. Переход на новую организацию штабов провести к 1 августа».

Сейчас разведка не имеет хозяина. Войсковой разведкой никто не занимается. Тысячи писем говорят о том, что разведчики, включая начальников двух отделов корпусов и дивизий, занимаются чем угодно, но не разведкой, ОРБ не готовятся как разведчасти.

СТАЛИН. Что такое ОРБ?

ПРОСКУРОВ. Отдельный разведывательный батальон, имеющийся по штатам в каждой дивизии. Во время военных действий эти батальоны были такими же батальонами, как и прочие. Они ставились на фланги, затыкали ими дыры и т.д. Разведывательные роты в полках, как правило, не использовались.

И самое тяжёлое положение, которое мы имеем, это то, что нет подготовленных кадров разведчиков. Я прошу, чтобы вопрос об организации разведки и подготовки разведчиков был рассмотрен Главным военным советом. Генеральный штаб должен иметь аппарат, который бы отвечал за подготовку разведчиков всех родов войск. На практике же получается разрыв. В мирное время разведчиками никто не занимается. В военное время разведкой вынуждено заниматься 5-е Управление, не имеющее аппарата для руководства войсковой разведкой и полномочий на это.

Во время финских событий разведотдел Ленинградского округа забрала себе 7-я армия, остальные армии остались без кадров разведчиков и набирали кого попало. Подготовленных имелось один-два человека. В силу этого разведку армии не могли развернуть в течение одного-двух месяцев. Агентурные отделения состояли из оперативных пунктов (из трёх-четырёх человек). Конечно, они не могли удовлетворить армию.

СТАЛИН. Что вы предлагаете, как улучшить это?

ПРОСКУРОВ. Я предлагаю принять один из вариантов: или сосредоточить всю разведывательную работу в одних руках, как это делается в иностранных армиях, там имеются так называемые 2-й департамент или 2-е бюро в составе Генерального штаба. У нас создано 5-е Управление, которое должно сосредоточить всю разведку. В нём необходимо создать аппарат, который будет отвечать и руководить войсковой разведкой. Или оставить за 5-м управлением только агентурную разведку.

В Генеральном штабе должен быть такой порядок, чтобы был аппарат, который будет руководить и заниматься разведкой и в мирное, и в военное время. Ведь как ни странно, разведывательные сводки подписывал я, тогда как разведывательные органы по существу не подчинены 5-му Управлению Красной Армии. Надо сказать, что в одно время дело доходило до курьёзов. Мы получили извещение от тов. Штерна и от тов. Чуйкова о том, что они не получают данных о разведке.

ГОЛОС. В первое время мы не получали разведывательных данных.

ПРОСКУРОВ. Проверил, куда же пропадают сводки, оказалось, что они не передаются, так как работники Генштаба во главе с тов. Смородиновым считали – какое дело 7-й армии, что делается на участке 8-й армии. Это идиотство. Как же так, командование армии должно было знать, что делается на соседнем участке. Я считаю, что этот вопрос нужно изменить коренным образом. Нужно повернуть мозги нашим большим и малым командирам к разведке, заставить разведкой заниматься. У нас нет точных статистических данных, сколько тысяч жизней мы потеряли из-за отсутствия разведки.

Что делала разведка? Здесь товарищи говорили, что трудно было воевать. Я должен буду доложить, что для разведки были такие же сложные условия. Мы за всё время выбросили довольно круглую цифру агентов и надо отметить, что из них большинство погибло.

СТАЛИН. У вас есть один агент в Англии, как его фамилия, Черний, кто он такой?

ПРОСКУРОВ. Он уже здесь, это не агент, а военно-воздушный атташе, комбриг Черний.

СТАЛИН. Он писал, что через несколько дней будет большой налёт авиации на нефтепромыслы Баку. Через несколько дней, он писал, сообщит подробности. Прошло шесть дней, прошли две-три недели, а дополнений никаких нет.

ПРОСКУРОВ. Он приехал и ничего не мог доложить.

СТАЛИН. И этот Черный, человек, которому вы верите, сообщил, что 12 тыс. цветных войск вводится в Румынию. Я говорю, что это не может быть. Вы спорите, что он честный человек. Я говорю, что честный человек, но дурак. (Смех).

ПРОСКУРОВ. Товарищ Сталин, вам известно, в каком мы находимся положении?

СТАЛИН. Вот вы его посылаете, пускай он скажет, что по некоторым данным будет налёт на Баку, а у вас просто сообщается, будет налёт по достоверным источникам, подробности будут сообщены через несколько дней. Вы его спросили, верно ли, он ответил – верно, а потом оказалось, что никакого ввода войск не было, а таких источников будет много. Я боюсь, что если ваши агенты будут так и дальше работать, то из их работы ничего не выйдет.

ПРОСКУРОВ. Классификация донесений у нас большая: заслуживающие внимания, доверия, надёжные и прочее, но целый ряд материалов вызывает сомнение и их мы проверяем. Ошибки, конечно, не исключены.

СТАЛИН. Нужно было написать, что эти данные предварительные или проверяются, или, что эти данные ещё не подтверждены, а что же получается, что в Англии сидит человек и пишет то, что ему говорит тот, которому всё это может быть выгодно, ему может быть это нужно.

ПРОСКУРОВ. Так и вышло, эти данные исходили от Батлера.

СТАЛИН. Чей же он разведчик тогда?

ПРОСКУРОВ. Чей угодно, только не наш. Известно, что бывает, когда тов. Бочков частенько сообщает, что такой-то, сидя в заключении, на раздумье, вспомнил ещё, что он выдал такого-то Джека, да – кого-то Ромэна и т.д., а они сидят и дают сведения.

СТАЛИН. Где сидят?

ПРОСКУРОВ. Там, под всякими крышами.

МЕРЕЦКОВ. Если посылаешь командира с посылкой за границу, командир боится идти в такую разведку.

СТАЛИН. Не надо связываться с сетью, а одиночкой действовать, как турист.

МЕРЕЦКОВ. Командиры боятся идти в такую разведку, ибо они говорят, что потом запишут, что они были за границей. Трусят командиры.

ПРОСКУРОВ. Командиры говорят так, что если в личном деле будет записано, что был за границей, то это останется на всю жизнь. Вызываешь иногда замечательных людей, хороших и они говорят – что угодно делайте, только чтобы в личном деле не было записано, что был за границей.

СТАЛИН. Есть же у нас несколько тысяч человек, которые были за границей. Ничего в этом нет. Это заслуга.

ПРОСКУРОВ. Но на практике не так воспринимается.

Всё-таки нам кое-что удалось сделать. У нас были замечательные агенты – радиоосведомители, которые приносили сведения, сидя в тылу за 70 км, присылали замечательные радиогаммы. Вот я зачитаю несколько выдержек. (Читает).

Это не войсковая разведка, это люди, которые прыгали с парашютом, ходили по тылам и сообщали сведения через радиосредства. Правда, как я уже сказал, больше половины таких людей погибло, к сожалению. Почему? Прежде всего, мы вынуждены были бросать людей вдали от населённых пунктов. Спускается он, берёт лыжи и идёт, видит ответвление от дороги, лыжный след, но ведь население организовано, войска нацелены, его по лыжным следам обнаруживают и нагоняют, а поскольку глубокий снег, без лыж нельзя идти, его ловят.

Трудности были колоссальные и особенно на Карельском перешейке, где плотность войск была колоссальна.

СТАЛИН. Надо было в мирное время насадить.

ПРОСКУРОВ. В мирное время было насаждение. Разведотдел здесь допустил большую ошибку, рассчитывали, что движение войск будет похоже на то, какое было во время западной кампании, и послали туда агентов, дали явку не на нашу территорию, а на пункты, находящиеся на территории противника. Через 10 дней, мол, придём в такой-то пункт и доложишь материал, а выхода наших частей в эти пункты не состоялось.

СТАЛИН. Глупо.

ПРОСКУРОВ. Конечно, глупо. Надо сказать, что наши разведчики были заражены тем же, чем и многие большие командиры, считали, что там будут с букетами цветов встречать, а вышло не то.

Поэтому, я прошу разрешить коренной вопрос относительно хозяина разведки. Хозяин разведки в Красной Армии должен быть и командиры всех степеней должны будут заниматься разведкой по существу. Иначе мы будем и дальше сталкиваться с таким же делом, как и теперь. Тысячи товарищей с мест пишут, что войсковые разведчики занимаются всем, чем угодно, он и ординарец, он и временно замещает командира, уходящего в отпуск, из оперативного и прочих отделов.

Кроме того, нам нужно, тов. Сталин, убедительно прошу, создать в мирное время под различными шифрами такие учебные роты, учебные подразделения, которые были бы готовы вести разведку в военное время.

СТАЛИН. В мирное время сажайте людей, заранее надо сажать людей.

ПРОСКУРОВ. Меня очень много ругали за то, что я организовал диверсионно-партизанские группы и отряды. Было большое сопротивление. Тов. Шапошников дал указание штабам, чтобы никаких таких отрядов не организовывать. А некоторые организовали и получили колоссальную пользу.

ШАПОШНИКОВ. Нет такого указания.

ПРОСКУРОВ. Это так точно. Есть такое указание, свидетелями являются Смородинов и Тимошенко. Нужно создать такие отряды обязательно, а то в военное время активным путём добивались средств разведки. Не надо этого бояться.

СТАЛИН. Надо, чтобы они язык населения знали. Что вы русских бросите в тыл, ничего они не знают – языка не знают, нравы не знают. Разведчики язык должны знать. Сколько людей вы послали в Финляндию теперь в мирное время? Не посылали и не думаете посылать.

ПРОСКУРОВ. Разведчиков посылаем.

СТАЛИН. Нет, неверно, не посылаете, а Финляндия послала человек пять разведчиков, мы поймали, двоих убили. Уже перебросили. Берут наши паспорта, что угодно и посылают. Вы не засекречивайте это дело, а докладывайте. Мы хотим знать, кого вы посылаете. А то вы возьмёте русских во время войны, перебросите их в тыл, а языка они не знают. Ведь вы в хайло бросаете. Он два слова не скажет, сразу его возьмут и разоблачат. Надо знать, кого бросать, надо делать это умело. Представьте нам список кого куда посылаете. Мы хотим знать. Если вы говорите, что получены сведения из источника, то это на нас действия не производит, мы смеёмся над этим. Давайте нам список в Главный военный совет.

ПРОСКУРОВ. Я рад, что этим вопросом вы интересуетесь, потому что после этого

дело пойдёт лучше. Здесь говорили, что надо посылать корреспондентов, мы это делаем. Тут комбриг предлагал свои услуги, у нас таких данных куча: поедет человек, посмотрит, где что делается. Посмотреть конструкцию этого ДОТа, узнать план точного расположения – это другое дело. У нас был такой курьёз: Скорняков прислал телеграмму. А Кулик звонит – прикажи Скорнякову прислать чертежи и конструкции. Но этих сведений он дать не может. Это надо делать иначе и эту проблему мы не можем решить посылкой туристов.

СТАЛИН. Вы ошибаетесь, потому что шифром по телеграфу всё нельзя передать, нужно вызвать человека сюда, пусть он схематически расскажет, мы его будем допрашивать, он наивный человек. По телеграфу всё нельзя передать.

ПРОСКУРОВ. Полковник Скорняков по приказу народного комиссара обороны немедленно выехал сюда и всё донесёт.

СТАЛИН. По телеграфу нельзя всё сказать, нельзя сказать всё шифром. Вы люди из разведки, должны знать, как это делается, я не разведчик. Вот об этом нужно было бы сказать»¹⁴.

Сталин, как это видно из его высказываний, не был доволен деятельностью Разведывательного управления Красной Армии. Понимал это и Проскуров. Основной причиной этого он считал недостаток знаний и времени на подготовку у людей, пришедших на смену репрессированным разведчикам.

25 мая 1940 года в своём докладе начальник Разведуправления сообщал: «Последние два года были периодом чистки агентурных управлений и разведорганов... За эти годы органами НКВД арестовано свыше 200 человек, заменён весь руководящий состав до начальников отделов включительно. За время моего командования только из центрального аппарата и подчинённых ему частей отчислено по различным политическим причинам... 365 человек. Принято вновь 326 человек, абсолютное большинство из которых без разведывательной подготовки»¹⁵.

Иван Иосифович не указывал напрямую, кто был инициатором и виновником массовых репрессий в Разведуправлении Красной Армии. Хотя и без этого было понятно, что такие «мероприятия» не происходили без одобрения вождя. Работать в разведке Проскурову оставалось недолго.

В начале лета 1940 года в Красной Армии были введены генеральские звания. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 4 июня 1940 года Ивану Иосифовичу Проскурову было присвоено воинское звание «генерал-лейтенант авиации». 14 июня 1940 года он был награждён вторым орденом Красной Звезды.

Вскоре в военной карьере генерал-лейтенанта Проскурова произошёл крутой перелом. На одном из заседаний Главного военного совета Наркомата обороны начальник Разведуправления заявил о том, что Гитлер не имеет возможности для высадки десанта на территории Великобритании в 1940 году. Это шло вразрез с мнением Сталина, который весьма рассчитывал на продолжение войны на Западе. Вождь подверг доклад начальника Разведуправления резкой критике:

«Совсем недавно, товарищ Проскуров, вы уверяли нас со своими цифрами и данными, что наступление немцев на Западе приведёт к затяжной и кровопролитной войне. Мы поверили вам и провели соответствующие мероприятия. Теперь вы также нас уверяете, пытаетесь уверить, что десант в Англию невозможен, потому что на ваших бумагах не сходятся нужные цифры. Таким образом, вы вводите в заблуждение

Политбюро ЦК»¹⁶.

27 июля 1940 года И.И. Проскуров был снят с должности начальника Разведуправления Красной Армии и направлен в распоряжение наркома обороны СССР.

9 сентября 1940 года генерал-лейтенант Проскуров был назначен командующим Военно-воздушными силами Дальневосточного фронта. Но уже через месяц, 25 октября, он становится помощником начальника Главного управления ВВС РККА по Дальней бомбардировочной авиации.

5 ноября 1940 года в соответствии с Постановлением СНК СССР «для руководства боевой и специальной подготовкой авиадивизий дальнего действия» в ГУ ВВС РККА было создано Управление дальнебомбардировочной авиации. Заместителем начальника Главного Управления ВВС Красной Армии по Дальней бомбардировочной авиации был назначен генерал-лейтенант авиации Проскуров.

Иван Иосифович активно включился в знакомую и любимую лётную работу. Он часто бывает на аэродромах, общается с лётчиками и штурманами. Много внимания уделяет устранению недостатков в подготовке экипажей дальнебомбардировочной авиации. Оказывает помощь и поддержку молодым пилотам.

В январе 1941 года шеф-пилот Гражданского воздушного флота А.Е. Голованов выступил с инициативой сформировать отдельное авиаподразделение из лётчиков, владеющих навыками слепых полётов. На личной встрече со Сталиным представил свои соображения, тот одобрил и поддержал его идею. Однако не все в руководстве авиации отнеслись к данной затее одобрительно. Генерал-лейтенант Проскуров, наоборот, всецело поддержал новое начинание.

Главный маршал авиации А.Е. Голованов вспоминает:

«Когда мы вышли в приёмную, генерал Рычагов повернулся ко мне и с сердцем выпалил:

— Много вас тут шляется со всякими предложениями! То Коккинаки, то Голованов, обязательно ещё кто-нибудь появится. Откажитесь, пока не поздно, от вашей дурацкой затеи. Всё равно у вас ничего не выйдет!

Я понял, что Рычагов хорошо знаком с моей запиской, не согласен с ней, но своего мнения у Сталина не высказал. Почему? Может быть, он и прав. Ему, начальнику Главного управления Военно-воздушных сил страны, виднее, что возможно и что невозможно. Но почему он решил сорвать зло на человеке, которого не знает, и в то же время ничего не говорит об этом Сталину?! К сожалению, как мне пришлось убедиться в дальнейшем, Рычагов был не единственным человеком, который, имея своё мнение, может быть и правильное, молчал и согласно кивал головой или даже говорил «правильно». А сам был в корне не согласен...

Меня принял заместитель начальника Главного управления ВВС генерал И.И. Проскуров, который был уже в курсе всех дел. К моему удивлению, он искренне одобрил мою записку, но сказал, что мне придётся довольно трудно с организацией такой части, на особую поддержку рассчитывать нечего – только на свою энергию.

Генерал Проскуров оказался человеком высокообразованным не только в техническом отношении, но в самом широком смысле этого слова. И он прямо высказывал своё мнение по каждому обсуждаемому вопросу, хотя оно могло и не соответствовать мнению вышестоящих начальников. Это был первый человек, который высказывал своё мнение у Сталина в моём присутствии. За несколько встреч Проскуров детально ввёл

меня в курс дел и жизни дальнебомбардировочной авиации, рассказал о её структуре и боевой подготовке, дал характеристику всех командиров корпусов...

Мне предложили ознакомиться с программами ночных и слепых полётов, слепой посадки и дать по ним своё заключение. Оказалось, что программы были составлены хорошо и вполне соответствовали вводу в строй лётного состава. Но на том дело практически и кончалось. Введённый в строй по этим программам лётчик не имел систематических тренировок в слепых полётах и, естественно, терял приобретённые качества. Без тренировок, при перерыве хотя бы в месяц, утрачивали навык слепых полётов и посадок даже весьма опытные лётчики. Для тех же, кто имел за плечами всего 10-20 часов полётов вслепую, вопрос систематических тренировок приобретал особо важное значение, в противном случае возникала прямая опасность как для них самих, так и для самолётов. Что же касается радионавигации, то её включили в программу как предмет второстепенный, попутный. Это нужно было исправить, и поскорей...

Прилетев из Смоленска, я сразу же отправился с докладом к генералу Проскурову. обстоятельно доложив все вопросы, я поинтересовался, что мне делать дальше. Генерал сказал, что на подпись наркому уже подготовлен приказ, где полку, которым мне предстояло командовать, присваивается наименование Отдельного 212-го дальнебомбардировочного, и этим приказом я назначался его командиром. Задержка происходит с присвоением мне воинского звания: лётчики сейчас вместо званий среднего командного состава получают звания младшего командного состава и живут на казарменном положении. В связи с этим новым положением и мне звание выше капитана не положено: будут докладывать наркому обороны.

Вот уж о чём я не думал, и что меня меньше всего волновало! Я так и сказал генералу Проскурову, что звание меня мало интересует. Положено быть капитаном – буду капитаном, дело, в конце концов, не в звании, а в предстоящей работе.

Проскуров разъяснил, что этот вопрос сложнее, чем я думаю, так как я в то же время назначаюсь начальником гарнизона, а начальник гарнизона должен быть старшим не только по должности, но и по званию...

На другой день я получил приказ о формировании полка и присвоении мне воинского звания «подполковник». Я просил разрешения сразу вылететь в Смоленск, но был вынужден задержаться на сутки, так как появляться командиром полка в штатской одежде мне было запрещено»¹⁷.

В 1940-1941 годах полным ходом шло перевооружение Военно-воздушных сил. В лётные части поступали современные, скоростные самолёты. Переучиваться на новую технику лётчикам приходилось в срочном порядке. Многие пилоты, прошедшие обучение по ускоренной программе, не имели достаточной квалификации и лётных навыков. К тому же новые самолёты часто имели технические недоработки – и поступали в части не совсем подготовленными. В результате в авиации резко возросло количество аварий. Из-за них в предвоенные годы ВВС РККА ежегодно теряли более 600 самолётов.

Особо острая ситуация с аварийностью сложилась весной 1941 года. В начале зимы по указанию И.В. Сталина начальник Главного управления ВВС РККА генерал-лейтенант П.В. Рычагов издал приказ о полётах только с колёсного шасси. Зима 1940-1941 годов выдалась снежной и суровой. На большинстве аэродромов не хватало техники для расчистки лётного поля. Применявшиеся трактора и аэродромные катки для

укатывания снега часто ломались и выходили из строя. Приходилось использовать большое количество личного состава подразделений для приведения аэродромов в более-менее пригодное состояние для полётов. Многие командиры, опасаясь возможного роста аварийности, отказывались брать на себя ответственность по организации полётов. В результате авиация практически перестала летать. Лётчики в результате вынужденных простоев теряли навыки владения самолётами. Возобновившиеся после схода снега полёты вызвали бурный рост аварийности.

Весной 1941 года была проведена проверка авиационной бригады, расквартированной в г. Запорожье. Командир бригады уверенно доложил о готовности подразделения выполнить любое боевое задание днём и ночью, при любых погодных условиях. В полночь Проскуров поднял бригаду по тревоге. Была поставлена задача произвести учебное бомбометание одной эскадрильей по полигону. При возвращении с задания лётчики пренебрегли высотой. Три экипажа, пролетая над Донбассом, врезались в терриконы (высокие конусообразные насыпи из пустой породы при шахтах).

Началось следствие, которое показало полную невиновность генерала Проскурова в случившемся.

9 апреля 1941 года на заседании Политбюро было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии». За сокрытие недостатков, имевших место в авиации РККА, наркому обороны Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко был объявлен выговор, генерал-лейтенант авиации П.В. Рычагов был снят с должности начальника ВВС Красной Армии и заместителя наркома обороны, а начальник отделения оперативных перелётов Штаба ВВС полковник В.М. Миронов предан суду.

К 12 апреля нарком С.К. Тимошенко представил в Политбюро проект приказа о наказании виновных. Ознакомившись с проектом, И.В. Сталин написал: «Т-щу Тимошенко. Согласен с той, однако, оговоркой, чтобы в приказ был включён абзац о т. Проскурове и чтобы т. Проскуров был предан суду наравне с т. Мироновым. Это будет честно и справедливо»¹⁸.

В тот же день вышел Приказ наркома обороны № 0022, где замечание вождя было учтено:

«Заместителя начальника Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта авиации Проскурова И.И. за явно преступное распоряжение, нарушающее элементарные правила лётной службы, в результате чего произошло три катастрофы, при которых погибло семь человек и ранено два человека, от занимаемой должности отстранить и предать суду»¹⁹.

Понимая всю тяжесть предъявленных обвинений и возможные последствия, 21 апреля 1941 года И.И. Проскуров пишет письмо на имя Сталина:

«Считаю партийным долгом <...> доложить некоторые соображения по существу подготовки авиации к войне.

Изучая уроки войны с белофиннами, Вы, т. Сталин, на совещании в Кремле весной 1940 г. сделали выводы о наличии коренных ошибок в подготовке Красной Армии к войне и дали свои исторические указания о путях устранения этих ошибок, что было обеспечено и организационными мероприятиями. Главными из недостатков были: условность в учёбе, мягкотелость в тренировке войск в условиях, максимально приближённых к боевым, игнорирование новых методов применения и взаимодействия

технических средств вооружения в ведении современной войны, слабое изучение опыта второй империалистической войны. <...>

За год работы по-новому наземные части Красной Армии добились безусловных результатов, а авиация продолжает отставать. Как оказалось, она является самым запущенным родом войск в нашей армии, и могу смело утверждать, что и теперь по своей подготовке наша авиация не отвечает требованиям борьбы с сильным противником.

Главным недостатком в подготовке авиации считаю неумение в массе своей, даже кадрами, надёжно действовать в сложных метеоусловиях и ночью, низкий уровень огневой и разведывательной подготовки (большинство экипажей не умеют отыскивать цели, даже в крупных пунктах).

Именно поэтому, совершенно не случайно, за последние 3-4 месяца на рассмотрение ЦК вносились для решения ряд коренных вопросов перестройки и обеспечения подготовки авиации (большинство, к нашему стыду, по ВАШЕЙ инициативе). Не случайно обращаются к ВАМ по этим же вопросам лётчики-коммунисты тт. Голованов, Молоков и, видимо, многие другие, знающие подлинное состояние частей ВВС. <...> Тов. Молоков и его специалисты <...> побывали в нескольких частях ВВС и убедились, что слишком велика боязнь у командного состава ответственности за полёты в сложных метеоусловиях и ночью. В то же время всем понятно, что без настоящей подготовки драться с серьёзным противником мы не сможем.

Задача ясна – во что бы то ни стало поломать эту боязнь и заставить части ВВС готовиться действовать в условиях, приближённых к боевым.

Ведь летают же немцы на приличные расстояния десятками и сотнями самолётов и в плохих метеоусловиях. Ведь летают же англичане сотнями самолётов на сильно защищённые объекты в плохих метеоусловиях и ночью, и плохо ли, хорошо, а задания выполняют. Когда же наша авиация станет способной надёжно выполнять подобные полёты массово? Что же, наши лётчики или самолёты хуже зарубежных? Этот вопрос, тов. Сталин, меня, как и многих командиров ВВС, здорово мучил и мучает.

В конце 1940 года, с ВАШЕГО ведома, я принял руководство дальней бомбардировочной авиацией и получил конкретную задачу – в течение 1941 года сделать части дальней авиации способными выполнять боевые задачи на предельном радиусе самолёта в сложных метеоусловиях и ночью. С тех пор с коллективом командиров управления дальней авиации отдавал все силы на успешное выполнение этой важной задачи. Что я принял на 1 декабря 1940 года? В частях ДБ авиации насчитывается около 2000 экипажей, из них в то время летал ночью 231 экипаж, летали в сложных метеоусловиях 139 экипажей (около 6%), обучались полётам вслепую 485 экипажей (около 24%).

Как видно, цифры для ДБ авиации явно не терпимы – всего по 3-5 полностью подготовленных экипажей на авиаполк.

За прошедшие 4-5 месяцев зимней лётной работы, в условиях плохой лётной погоды, ограниченности горючим и смазочным, плохой работе моторов (много самолётов стояли и стоят в ремонте), проводилась усиленная работа по поднятию качества лётной подготовки ДБ авиации, и к середине апреля с.г. приведённые выше цифры ИЗМЕНИЛИСЬ, теперь летают ночью 612 экипажей (30%), летают в сложных метеоусловиях 420 экипажей (20%), обучаются полётам в сложных метеоусловиях 963 экипажа (50%). Как видно, качество подготовки выросло больше, чем в ДВА раза.

Понятно, что и теперь подготовка явно недостаточная, приведённые цифры характеризуют способность экипажей в большинстве выполнять полёты ночью и в сложных условиях в аэродромных условиях – обучение настоящим дальним полётам ещё впереди.

Этот перелом в качественной подготовке ДБ авиации сопровождается большим количеством лётных происшествий – 18 катастроф в 1941 г. Из них:

- не установлены причины – 4,
- не справились со сложными метеоусловиями – 5,
- отказ моторов в воздухе – 4,
- по недисциплинированности лётного состава – 5.

Значительная часть катастроф по причинам плохой организации и дисциплины, как это правильно указано в приказе НКО № 0022.

Происшествия тяжёлые и их много, это верно, но интересы дела требуют ещё больше увеличить интенсивность лётной работы, неустанно улучшая организацию и порядок в ВВС. Серьёзные предупреждения и наказания, записанные в приказах НКО, заставят командный состав ВВС подтянуться, но наряду с этим они могут усилить боязнь за происшествия и тем снизить темпы качественной подготовки.

Дорогой тов. Сталин, у нас в истории авиации не было случая, когда бы судили командира за плохую подготовку подчинённой ему части. Поэтому люди невольно выбирают из двух зол для себя меньшее и рассуждают так: «За недоработки в боевой подготовке меня поругают, ну в худшем случае снизят на ступень в должности, а за аварии и катастрофы я пойду под суд». К сожалению, так рассуждающие командиры не единичны.

Такие настроения имеют, и будут иметь место до тех пор, пока за боевую готовность подчинённой части не будут предъявлены такие же требования и ответственность, как и за аварийность. За последнее время я больше работал в частях и твёрдо в этом убедился. Остальные вопросы подъёма ВВС полностью разрешены ЦК за последнее время»²⁰.

4 мая 1941 года Сталин, видимо, решил, что погорячился, и подписал решение Политбюро, в котором говорилось:

«Предложить Прокурору СССР т. Бочкову в отношении генерал-лейтенанта авиации Проскурова и полковника Миронова рассмотреть их дело на суде и, имея в виду их заслуги по работе в Красной Армии, ограничиться общественным порицанием»²¹.

27 мая 1941 года генерал-лейтенант Проскуров был освобождён от занимаемой должности с формулировкой: «за аварийность в частях дальней бомбардировочной авиации». На этот раз беда обошла Ивана Иосифовича стороной. Но обстановка вокруг него продолжала оставаться напряжённой. С новым назначением в Наркомате обороны не спешили. Руководство НКВД чётко уловило негативное отношение И.В. Сталина к прославленному лётчику и бывшему руководителю разведки. Все причины авиакатастроф стали увязываться с его контрреволюционной деятельностью и участием в «законспирированной антисоветской организации».

18 июня 1941 года Проскурова И.И. в его московской квартире навестил Гавриил Прокофьев. Иван Иосифович радушно встретил боевого друга, но было видно, что неопределённость положения его угнетает: «Худо мне, Гаврюша, все темнят с назначением...» Разговорились о напряжённой обстановке на западной границе, о предстоящей войне. В это время прозвучал телефонный звонок. Прокофьев слышал, как

Проскуров говорил с самим Сталиным. Чувствовалось, что «хозяин» недоволен.

«...Чувствую себя нормально, жду приказа о назначении... Нет, товарищ Сталин, я готов на любую должность. Я ещё молод... Назначьте на дивизию... Готов туда... Согласен на Одессу... Нет, товарищ Сталин, я готов на любую должность. Любую!» — подчеркнул Проскуров последнее слово.

После телефонного разговора он долго молчал. Друг, видя его подавленное состояние, не донимал расспросами. Затем Иван тихо сказал, имея в виду наркома обороны:

— Понимаешь, Гаврюша, не пойму, чего (он)... добивается. Мало ему, так вот опять преподносит Сталину, что, дескать, капризничает Проскуров, перебирает должности...²²

19 июня 1941 года генерал-лейтенант Проскуров был назначен командующим Военно-воздушными силами 7-й армии, дислоцированной в Карелии. Прежде чем отправиться к новому месту назначения, Иван Иосифович решил выяснить обстановку и имеющуюся информацию о предстоящем месте службы.

Накануне выходных Проскуров заехал в Разведуправление. Переговорил с начальником 6-го отдела полковником И.А. Большаковым, курировавшим германское направление. Полученная информация о сосредоточении немецких и финских войск у наших границ сильно его встревожила. Проскуров передал приказ начальнику штаба ВВС в г. Петрозаводск о незамедлительной переброске самолётов с основных аэродромов на запасные. Это его своевременное распоряжение помогло сохранить от уничтожения авиацию 7-й армии. В первый день войны немецкая и финская авиация произвела бомбардировку известных им основных аэродромов.

Воскресенье, 22 июня 1941 года, семья Проскуровых предполагала провести на природе, на берегу Истры. Сообщение о начавшейся войне сорвало все планы. Генерал Проскуров был срочно вызван на службу. Вернулся домой поздно вечером. Простился с дочерьми. Жена проводила его на Ленинградский вокзал, откуда он убыл к месту службы. С фронта Иван Иосифович прислал несколько писем, потом всё оборвалось.

27 июня 1941 года генерал-лейтенант авиации И.И. Проскуров был арестован в Петрозаводске и доставлен в Москву, на Лубянку. Ему было предъявлено обвинение, гласившее: «Материалами дела Проскуров обвиняется в том, что являлся участником военной заговорщической организации, по заданиям которой проводил вражескую работу, направленную на поражение Республиканской Испании, снижение боевой подготовки ВВС Красной Армии и увеличение аварийности в Военно-Воздушных силах. Ст. следователь Следчасти по Особо-Важным делам НКВД СССР – Цепков. Зам. Нач. Следчасти – Шварцман. Нач-к Следчасти – Влодзимирский»²³.

Начались допросы, очные ставки, избиения... Некоторые из «заговорщиков» не выдерживали пыток и подписывали протоколы с признанием вины. А в протоколе Проскурова значилось: «Виновным себя не признал»...

В октябре 1941 года обстановка под Москвой резко ухудшилась. Немцы прорвали фронт и стремительно продвигались к столице. Началась поспешная эвакуация государственных учреждений. Руководство НКВД отдаёт приказ отконвоировать из внутренней тюрьмы в г. Куйбышев «особо опасных государственных преступников» в количестве 39 человек. Под номером 21 значился генерал-лейтенант Проскуров.

28 октября 1941 года в посёлке Барбыш под городом Куйбышевом (ныне г. Самара), без суда, согласно предписанию народного комиссара внутренних дел СССР Берии Л.П. от 18 октября 1941 г. за № 2756/Б, был приведён в исполнение решение о ВМН (высшей

мере наказания) – расстрел в отношении 20 человек. Среди них был и Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Иван Иосифович Проскуров. Было ему в ту пору всего 34 года...

Семья Проскурова, зная об его аресте, не подозревала, насколько трагично сложилась его дальнейшая судьба. В августе 1941 года они эвакуировались из Москвы в Куйбышев, где жену опального генерала арестовали и поместили во внутреннюю тюрьму. Дочери семи и четырнадцати лет остались в незнакомом городе без родителей, без продовольственных карточек, без денег и почти без вещей. Девочек вызывали на допросы, где женщина следователь, стуча кулаком по столу, кричала на них: «Мы покажем вам, генеральские доченьки!!!»²⁴ Позже их сослали в Казахстан. Старшая дочь вспоминала: «Нас волновала судьба отца. Мы продолжали писать во все инстанции. Ответ был один: «осуждён на десять лет без права переписки». Такую лживую формулировку сообщали многим родственникам уже расстрелянных «врагов народа». А в это время на Украине фашисты расстреляли Иосифа Проскурова за то, что его сын – генерал Красной Армии²⁵.

11 мая 1954 года Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Иван Иосифович Проскуров был полностью реабилитирован. Все материалы против него были прекращены постановлением Генерального прокурора СССР и Главной военной прокуратурой за отсутствием в его действиях состава преступления. В этом же году были реабилитированы его вдова и дочери.

Генерал-лейтенант авиации Проскуров И.И. награждён: медалью «Золотая Звезда» (№ 33), орденом Ленина (1937), орденом Боевого Красного Знамени (1937), двумя орденами Красной Звезды (1936, 1940), медалью «XX лет РККА» (1938).

Напоминаем, что оценить представленный материал вы можете не только в комментариях, но и с помощью выставления оценки (по пятибалльной шкале) и нажав клавишу РЕЙТИНГ вверху страницы. Для авторов и администрации сайта ваши оценки чрезвычайно важны!

---

¹ Кузнецов Н.Г. На далёком меридиане. М: Наука, 1971. С. 205.

² Печёнкин А.А. Воздушный ас, начальник военной разведки, «заговорщик» И.И. Проскуров. «Военно-исторический журнал», 2004, № 1. С. 28.

³ Бондаренко А. Авиация продолжает отставать... «Красная звезда», 19.02.2002.

⁴ Печёнкин А.А. Воздушный ас, начальник военной разведки, «заговорщик» И.И. Проскуров. «Военно-исторический журнал», 2004, № 1. С. 29.

⁵ Бондаренко А. Авиация продолжает отставать... «Красная звезда», 19.02.2002.

⁶ Кузнецов Н.Г. На далёком меридиане. М.: Наука, 1971. С. 204-205.

⁷ Абросов С.В. В Испании 1936-1939 годы. М, 2003. С. 103.

⁸ Там же.

⁹ Бондаренко А. Авиация продолжает отставать... «Красная звезда», 19.02.2002.

¹⁰ Печёнкин А.А. Воздушный ас, начальник военной разведки, «заговорщик» И.И. Проскуров. «Военно-исторический журнал», 2004, № 1. С. 30.

¹¹ Кузнецов Н.Г. На далёком меридиане. М.: Наука, 1971. С. 206.

¹² Печёнкин А.А. Воздушный ас, начальник военной разведки, «заговорщик» И.И. Проскуров. «Военно-исторический журнал», 2004, № 1. С. 31. 13 Там же.

¹⁴ http://www.around.spb.ru/finnish/comcom/comcom_5.php Текст впервые был

опубликован в книге: «Зимняя война» 1939-1940», книга вторая.: «И.В. Сталин и финская кампания» (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б). М.: Наука, 1998).

¹⁵ Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны. «Новая и новейшая история», 1995, № 1.

¹⁶ Бунин И.Л. Операция «Гроза». Кровавые игры диктаторов. М.: Яуза, 2003. С. 248.

¹⁷ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... М.: ООО «Дельта НБ», 2004. С. 42-44.

¹⁸ Печёнкин А.А. «Воздушный ас, начальник военной разведки, «заговорщик» И.И. Проскуров. «Военно-исторический журнал», 2004, № 1. С. 32.

¹⁹ Там же.

²⁰ Бондаренко А. Авиация продолжает отставать... «Красная звезда», 19.02.2002.

²¹ Печёнкин А.А. Воздушный ас, начальник военной разведки, «заговорщик» И.И. Проскуров. «Военно-исторический журнал», 2004, № 1. С. 32.

²² Там же. С. 33.

²³ Бондаренко А. Авиация продолжает отставать... «Красная звезда», 19.02.2002.

²⁴ Печёнкин А.А. Воздушный ас, начальник военной разведки, «заговорщик» И.И. Проскуров. «Военно-исторический журнал», 2004, № 1. С. 33.

²⁵ Там же.